

Воспоминанія жизни О. К. Фернера¹⁾.

(Окончаніе).

Около этого времени²⁾ состоялось образованіе попечительства о дѣтяхъ ссыльно-каторжныхъ въ Сибири и на Сахалинѣ, подъ предсѣдательствомъ Ел. Ал. Нарышкиной; по ея приглашенію и я поступилъ въ это попечительство.

Съ Ел. Ал. Нарышкиной я познакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Пашковыхъ, во время проповѣдей у нихъ лорда Редстока. Убѣжденная христіанка, Елизавета Алексѣевна живо интересовалась этимъ религіознымъ возбужденіемъ, хотя и не сочувствовала уклоненію его въ догматическую сторону, противную православной церкви. Я съ нею часто разсуждалъ по поводу этихъ вопросовъ у Пашковыхъ, наши мысли сходились, и она пригласила меня посѣщать ее. Съ тѣхъ поръ наши отношенія становились все болѣе и болѣе близкими. Ел. Ал. принадлежала къ числу выдающихся женщинъ нашего времени. По теплотѣ сердца и живой отзывчивости на всѣ дѣйствительные интересы, по своему свѣтлому и вмѣстѣ съ тѣмъ практическому уму, она ярко выдѣляется изъ круга нашихъ свѣтскихъ дамъ. Рано овдовѣвши, она посвятила себя всецѣло разнымъ благотворительнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Взавшись за дѣло, Елизавета Алексѣевна всегда оказывается дѣйствительною его руководительницею, влагая въ него свои мысли, и такъ какъ всѣ относятся къ ней съ глубокимъ сочувствіемъ, то она со всѣхъ сторонъ всегда находитъ поддержку и полезное содѣйствіе. Просто удивительно, какъ все въ ея рукахъ преуспѣваетъ, даже денежные средства всегда являются

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911.

²⁾ Январь 1897 г.

во-время, — на дѣйствительно добрыя и симпатичныя дѣла всегда оказываются жертвователи. Вникая всегда въ сущность каждаго дѣла, она съ рѣдкимъ тактомъ и практическимъ умомъ умѣетъ направлять его къ полезной цѣли.

Состоя уже передъ тѣмъ предсѣдательницею дамскаго Комитета, она умѣла сгруппировать около себя лицъ, дѣйствительно интересующихся дѣломъ, которымъ она какъ-то умѣла передавать свое серьезное отношеніе къ вопросу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ тюремномъ Комитетѣ открылись нѣкоторыя злоупотребленія бывшаго секретаря и казначея; тогда Елизавета Алексѣевна просила меня помочь ей разобраться въ этомъ дѣлѣ и привести его въ порядокъ; по этому случаю я поступилъ тогда въ члены дамскаго тюремнаго комитета. При расширеніи дѣятельности этого учрежденія возникла мысль образовать при немъ особое попечительство о дѣтяхъ ссыльно-преступниковъ, — потребность въ такой дѣятельности вызывалась особенно тѣми печальными условіями, которыя сложились на Сахалинѣ. Лицо, командированное для изслѣдованія положенія дѣла на островѣ, о которомъ ходили уже очень неблагопріятныя слухи — нашло, что дѣйствительность значительно превышаетъ все самое худшее, что говорили о сахалинскихъ условіяхъ жизни. Тамъ господствовала просто ужасающая распущенность нравовъ; при недостаточности женщинъ дѣло дошло до того, что рѣдкая 12—14 лѣтняя дѣвушка уже не была матерью. Благодаря усиліямъ и заботамъ Елизаветы Алексѣевны и сношеніямъ съ мѣстнымъ губернаторомъ, удалось устроить тамъ пріютъ для дѣтей и вообще достигнуть хотя нѣкотораго улучшенія нравственнаго положенія населенія.

Мои различныя занятія оставляли у меня однако достаточно времени для посѣщенія нѣкоторыхъ интересныхъ круговъ общества. Въ числѣ такихъ круговъ упомяну о вечерахъ графини А. Е. Комаровской, гофмейстерины Вел. Кн. Александры Іосифовны. На этихъ вечерахъ читались обыкновенно разныя литературныя произведенія, на нихъ присутствовали обыкновенно В. К. Константинъ Константиновичъ и его супруга.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ Вел. Князь самъ читалъ свой переводъ Шекспировскаго Гамлета. Вел. Князь былъ страстно увлеченъ этой работой и дѣйствительно переводъ вышелъ очень удачный. Нѣсколько времени спустя давали на сценѣ Мраморнаго Дворца на любительскомъ спектаклѣ Гамлета въ переводѣ Вел. Князя. Онъ самъ игралъ роль Гамлета и исполнилъ ее вполне драматично.

Около этого же времени мнѣ попалась въ руки книга мемуары графини Потоцкой, которую я читалъ съ большимъ интересомъ;—

упоминаю объ этомъ между прочимъ потому, что меня особенно поразила своею правдивостью и глубиною, заключительная фраза ея мемуаровъ: „l'homme ne cesse de souffrir et d'espérer, que lorsqu'il cesse de vivre. L'âge modifie et change la nature des impressions sans cependant les anéantir“.

Во время моей службы въ церемоніальной экспедиціи, сослуживцемъ моимъ былъ Д. П. Голубцовъ, человекъ богатый, племянникъ графини Завадской, принадлежавшій къ аристократическому обществу, умный и пріятный товарищъ. Я съ нимъ нѣкоторое время поддерживалъ пріятельскія сношенія, но потомъ совершенно потерялъ его изъ виду. Много лѣтъ спустя до меня стали доходить слухи, что онъ совсѣмъ раззорился. Какъ-то въ апрѣлѣ этого года я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ писалъ, что онъ женатъ, что у него дѣти, что онъ находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи и умолялъ меня заѣхать къ нему. Такъ какъ я уже слышалъ, что его состояніе совершенно разстроилось, и что онъ у всѣхъ занимаетъ деньги, то я хотѣлъ оставить его письмо безъ отвѣта. Но затѣмъ меня все же заинтересовало узнать, что съ нимъ стало послѣ столькихъ лѣтъ, и я рѣшился поѣхать къ нему. Онъ жилъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ на дворѣ по Каменноостровскому проспекту. Я былъ пораженъ тою картиною бѣдности, среди которой я засталъ этого, въ свое время блестящаго молодого человека. Больной старикъ, окруженный молодою женою и дѣтьми, въ крайне бѣдной—но все же опрятной обстановкѣ—онъ былъ глубоко тронутъ моимъ посѣщеніемъ, мы разговорились съ нимъ о прежнихъ временахъ, объ его отношеніяхъ къ его родственникамъ Толстымъ, о его прежнихъ служебныхъ сношеніяхъ съ графомъ Шуваловымъ и Адлербергомъ—все это прежнее было такимъ контрастомъ съ настоящимъ, что не могло не производить глубокаго впечатлѣнія и не вызывать сочувствія къ его настоящему положенію. Я у него просидѣлъ довольно долго, бесѣдуя, и потомъ сталъ посѣщать его отъ времени до времени, какъ стараго товарища. Года три спустя онъ скончался. Послѣ него осталась вдова, очень достойная молодая женщина съ тремя дѣтьми. Благодаря небольшой пенсіи, которую удалось ей выхлопотать, и нѣкоторому пособію Толстыхъ, ея скромное положеніе оказалось до нѣкоторой степени обеспеченнымъ, тѣмъ болѣе, что двѣ старшія ея дочери, очень милыя дѣвицы, были приняты на воспитаніе въ Патріотическій Институтъ.

Лѣто мы провели по обыкновенію въ деревнѣ Захоньѣ; въ этомъ году насъ постоянно посѣщали гости изъ Петербурга, между прочимъ Е. Д. Плеске, такъ что время проходило очень пріятно.

Въ августъ мы отиравились въ Ялту. Въ этомъ году происходилъ международный ученый медицинскій конгрессъ, на который пріѣхало множество иностранцевъ съ женами. Въ числѣ прочихъ развлеченій ихъ повезли и въ Крымъ, и вотъ въ послѣднюю ночь нашего путешествія, въ нашъ поѣздъ ввалилась такая масса иностранцевъ, что они заполнили всѣ свободныя мѣста въ вагонѣ и расположились даже частью въ корридорѣ, осаждая и буфетъ и туалетное помѣщеніе—все это къ большому неудобству коренныхъ пассажировъ, такъ что мы были рады, когда въ Симферополѣ эта ватага оставила нашъ поѣздъ.

Въ этомъ году въ Ялтѣ проводилъ осень и С. Ю. Витте. Мы съ нимъ часто видѣлись и даже иногда предпринимали вмѣстѣ прогулки. Незадолго передъ тѣмъ состоялось правительственное распоряженіе объ отдачѣ студентовъ, за производство буйства и безпорядковъ въ университетѣ, въ военную службу, отъ которой они по закону освобождались на время обученія. Это распоряженіе вызвало тогда всеобщее осужденіе. Такъ какъ инициативу этой мысли приписывали С. Ю. Витте, то разъ гуляя съ нимъ по Масандрѣ, я его спросилъ, — какъ онъ могъ предложить такую мѣру. На это онъ мнѣ сталъ объяснять, что, по его мнѣнію, принятая мѣра направлена въ интересѣ молодыхъ людей. До сихъ поръ, говорилъ онъ, ихъ за безпорядки долго держали подъ слѣдствіемъ, подвергали разнымъ полицейскимъ мытарствамъ, высылали въ отдаленныя мѣстности и въ добавокъ еще ихъ поставляли подъ надзоръ полиціи. Не лучше ли имъ вмѣсто всего этого пробить годъ или два въ арміи, при чемъ въ случаѣ хорошаго поведенія, срокъ службы могъ бы быть имъ значительно сокращенъ; затѣмъ, возвращаясь по отбытіи военной службы въ университетъ, они уже ничѣмъ не были бы стѣснены и не подвергались бы даже полицейскому надзору. С. Ю. развивалъ свою мысль до такой степени убѣдительно, что и мнѣ начинало казаться, что онъ правъ. Но какъ бы то ни было, эта мѣра возбуждала такое неудовольствіе въ обществѣ, что отъ примѣненія ея скоро пришлось отказаться.

Кромѣ Витте и обычныхъ ялтинскихъ знакомыхъ: князя Ливена и графа Ностица, ялтинскаго патріарха, жившаго на своей красивой дачѣ Эталита, мы въ этомъ году видѣлись еще съ А. А. Нарышкинымъ, который тогда былъ товарищемъ Министра Земледѣлія, и со своимъ семействомъ жилъ въ Никитскомъ саду,—наконецъ, говоря о лицахъ, съ которыми мы встрѣчались въ Ялтѣ, слѣдуетъ упомянуть еще о живописцѣ Крачковскомъ, на дачѣ котораго по извѣстнымъ днямъ собиралось ялтинское общество на

выставку его картинъ,—съ видами Крыма, которые тогда составляли его специальность.

Гуляя разъ по набережной, я издали въ слободкѣ увидѣлъ большой столбъ дыма; опасаясь, какъ бы это не былъ пожаръ вблизи насъ, я поспѣшилъ домой и засталъ уже весь переулочекъ передъ нашимъ домомъ запруженнымъ народомъ, такъ что съ трудомъ только удалось пробраться черезъ толпу. Оказалось, что горѣлъ сосѣдній съ нами домъ. Я быстро прошелъ на балконъ и увидѣлъ, какъ въ сосѣдномъ домѣ ломали крышу; чрезъ которую струился дымъ, и вдругъ изъ отверстія взвился громадный пламенный столбъ. На помощь нашей прислугѣ пришли сосѣдніе ремесленники, которые работали для насъ и долгое время, даже съ опасностью обжога, поливали нашъ деревянный балконъ водою и этимъ охранили его отъ загоранія. Наконецъ сосѣдній пожаръ потушили, и опасность миновала—мы отдѣлались однимъ испугомъ: кромѣ нѣкоторыхъ кипарисовъ въ саду ничего у насъ не пострадало. Когда распространился слухъ о пожарѣ въ нашемъ сосѣдствѣ, насъ стали навѣщать знакомые, справляясь, не пострадали ли мы отъ пожара.

Въ концѣ сентября наступилъ 50-ти-лѣтній юбилей артистической дѣятельности И. К. Айвазовскаго, торжественно чествовать который собиралась Феодосійская дума. Иванъ Константиновичъ считался какъ бы протекторомъ Феодосіи, для которой онъ дѣйствительно очень много сдѣлалъ. Получивъ приглашеніе на это торжество, я 25 сентября отправился на пароходъ въ Феодосію. На другое утро я посѣтилъ Айвазовскаго и затѣмъ отправился на торжественный актъ въ думѣ. Къ этому дню Государь пожаловалъ Ивану Константиновичу орденъ Александра Невскаго. Его объ этомъ извѣстили по телеграфу, но такъ какъ самые знаки еще не прибыли, а желательно было, чтобы онъ на торжествѣ явился уже облеченный ими, то я ему предложилъ надѣть мою ленту, что онъ и сдѣлалъ. Актъ въ думѣ носилъ дѣйствительно торжественный характеръ—масса депутацій, одна за другою—отъ города, отъ разныхъ учрежденій, отъ училищъ, отъ мѣстныхъ обществъ русскаго, татарскаго, даже еврейскаго—появлялись и читали свои адреса. Видно было, какъ всѣ мѣстные жители и большіе, и малые и русскіе, и инородцы высоко чтли Айвазовскаго.

Затѣмъ въ роскошно убранной думской залѣ состоялся торжественный обѣдъ на нѣсколько сотъ персонъ, при чемъ мнѣ пришлось произнести тостъ за супругу юбиляра. Вечеромъ въ той же залѣ былъ балъ съ иллюминаціей, фейерверкомъ—однимъ словомъ чествованіе вполне удалось. Вечеръ былъ чудный, мы вмѣстѣ съ губернаторомъ Лазаревымъ вышли на террасу и долго сидѣли тамъ

за бокаломъ шампанскаго, наслаждаясь чуднымъ вечеромъ, южной природою, иллюминаціею, движеніемъ народа.

Удивительно, съ какою легкостью Иванъ Константиновичъ, которому тогда уже было за 70 лѣтъ, переносилъ, повидимому, безъ всякаго утомленія всѣ перипетіи этого дня. Онъ былъ въ превосходномъ расположеніи духа, веселье и явно очень доволенъ моимъ приѣздомъ, заботился обо мнѣ очень любезно и передъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ на память видъ Θεодосійскаго порта, его кисти.

На другой день былъ большой, но болѣе интимный завтракъ въ его домѣ. За завтракомъ я произнесъ небольшую рѣчь; вспоминая, какъ мы познакомились съ Иваномъ Константиновичемъ лѣтъ тридцать тому назадъ въ Египтѣ, вмѣстѣ наслаждались зрѣлищами открытія Суэзскаго канала, вмѣстѣ на томъ же пароходѣ плыли изъ Александріи въ Бриндизи, вмѣстѣ испытали на немъ бурю, которую онъ воспроизвелъ на полотнѣ, находящемся въ моемъ владѣніи—и какъ съ тѣхъ поръ въ теченіе столькихъ лѣтъ продолжаютъ наши дружескія отношенія, никогда ничѣмъ не помраченныя.

Вмѣстѣ со мною на чествованіи Айвазовскаго участвовали два сына А. Н. Куломзина. Послѣ завтрака я поѣхалъ съ ними осматривать ихъ виноградники и винодѣліе. Тамъ были устроены большіе погреба, въ которыхъ лежали громадныя бочки съ виномъ. Со всѣмъ этимъ устройствомъ мнѣ было интересно ознакомиться. Оказывалось однако, что значительныя затраты на это дѣло оплачивались очень скуднымъ доходомъ, въ виду постоянной трудности сбыта вина по хорошей цѣнѣ, вслѣдствіе большого въ то время предложенія со стороны разныхъ лицъ.

• Вечеромъ у Айвазовскаго состоялся еще блестящій раутъ, прямо съ котораго, распростившись съ Иваномъ Константиновичемъ, я уѣхалъ на пароходъ, на которомъ, благодаря внимательной заботливости Айвазовскаго, мнѣ была предоставлена директорская кабина, и куда меня проводилъ молодой Куломзинъ.

Вскорѣ послѣ того мы возвратились въ Петербургъ.

Въ теченіе октября скончались К. К. Гротъ и И. Д. Деляновъ.

Съ Константиномъ Карловичемъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ съ самаго почти его приѣзда въ Петербургъ. Константинъ Карловичъ былъ губернаторомъ въ Самарѣ и, во время преобразованія откупной винной системы въ акцизную, былъ назначенъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ. При самомъ началѣ реформы, какъ я уже рассказывалъ выше, у него вышло столкновение съ Княжевичемъ, который, подъ вліяніемъ ходатайствъ своихъ родственниковъ, обѣщалъ разныя мѣста управляющихъ акцизными

сборами лицамъ, которыя, по мнѣнію Грота, не соотвѣтствовали требованіямъ такого положенія. Такъ какъ весь успѣхъ реформы зависѣлъ отъ хорошаго выбора исполнителей,—то Константинъ Карловичъ рѣшительно отказался опредѣлить кандидатовъ Княжевича и вслѣдствіе настояній послѣдняго подалъ въ отставку. Тогда однако Княжевичъ отвѣтилъ ему, что если уже кому выходить въ отставку, то это ему—Княжевичу, а никакъ не Гроту, только что поставленному во главѣ столь важной реформы. Дѣйствительно, Княжевичъ оставилъ министерство, и на его мѣсто былъ назначенъ М. Х. Рейтернъ. Константинъ Карловичъ очень удачно провелъ акцизную реформу, затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, и нѣкоторое время былъ Главноуправляющимъ Учрежденіями Императрицы Маріи, но по несогласію мнѣній съ Баронессой Рааденъ, которая пользовалась большимъ вліяніемъ у Императрицы, долженъ былъ оставить этотъ постъ.

Освободившись отъ официальныхъ текущихъ занятій, Константинъ Карловичъ посвятилъ себя всецѣло задачѣ, которая сдѣлала, можно сказать, его имя бессмертнымъ въ исторіи Россіи. Онъ организовалъ попечительство о слѣпыхъ, поставленное подъ покровительство Императрицы Маріи Θεодоровны, и вложилъ въ это дѣло всѣ свои старанія, всѣ свои заботы и даже часть своихъ средствъ. Благодаря его стараніямъ, капиталъ попечительства дошелъ до 4 милліоновъ рублей, а ежегодный доходъ достигъ 600.000 рублей. Въ Петербургѣ построено обширное Александро-Маріинское убѣжище о слѣпыхъ. При немъ учреждены мастерскія, при чемъ слѣпые рабочіе снабжаются сырымъ матеріаломъ, и издѣлія ихъ принимаются отъ нихъ на комиссію по опредѣленной цѣнѣ. Учреждено общежитіе для слѣпыхъ, убѣжище для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ рабочихъ, устроено нѣсколько больницъ,—затѣмъ попечительство заботится объ изданіи для слѣпыхъ специальныхъ книгъ.

Кромѣ того въ 23 городахъ учреждены мѣстные совѣты попечительства, и въ многихъ изъ нихъ устроены училища для слѣпыхъ.

Уже послѣ смерти К. К. образованы летучіе медицинскіе отряды, которые въ теченіе лѣта объѣзжаютъ мѣстности, зараженныя глазными болѣзнями, для производства въ нихъ амбулаторнаго лѣченія.

Памятникъ, сооруженный передъ домомъ близъ убѣжища, годы и годы будетъ вѣщать потомству о поразительныхъ результатахъ, достигнутыхъ инициативой, трудами и заботами этого энергическаго дѣятеля.

Послѣ смерти К. К. предсѣдателями попечительства были Е. А. Перецъ, а послѣ него графъ Воронцовъ; за назначеніемъ послѣдняго

на Кавказъ, я нѣсколько мѣсяцевъ замѣнялъ его въ качествѣ •
• председательствующаго.

И. Д. Деяновъ былъ очень долгое время Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Находясь подъ вліяніемъ Каткова и Георгіевскаго, онъ выказалъ мало собственной инициативы въ управленіи министерствомъ, такъ что его дѣятельность не ознаменовалась особенно полезными результатами. При немъ вслѣдствіе руссификаціонныхъ стремленій были разстроены между прочимъ превосходныя училищныя заведенія въ Остзейскомъ краѣ.

Послѣ его смерти послѣдовалъ цѣлый рядъ кратковременныхъ министерствъ. Первымъ послѣ него былъ назначенъ Богольповъ, который черезъ два года погибъ отъ руки убійцы, затѣмъ временно управлялъ министерствомъ Звѣревъ, до назначенія министромъ Ванновскаго, о дѣятельности котораго рѣчь будетъ далѣе; пробывъ не болѣе года, онъ былъ уволенъ, и его мѣсто занялъ его товарищъ Зенгеръ, который тоже оставался на этомъ посту не болѣе года и былъ замѣненъ Глазовымъ.

Въ послѣдній день декабря, возвращаясь домой, я нашелъ у себя карточку С. Ю. Витте; оказалось, что онъ заходилъ поздравить меня съ производствомъ къ новому году въ чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

1898.

Извѣстный князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, владѣтель Алупки, такъ много сдѣлавшій для развитія Крыма, образовалъ изъ своихъ имѣній маіоратъ. Въ то время этимъ маіоратомъ владѣлъ его внукъ свѣтл. князь Михаилъ Андреевичъ Воронцовъ, графъ Шуваловъ. Человѣкъ болѣзненный и мало развитой, онъ не былъ въ состояніи управлять столь громаднымъ имѣніемъ (дававшимъ вмѣстѣ съ родовыми имѣніями до 400.000 ежегоднаго дохода) и потому, по ходатайству родственниковъ, надъ его имѣніями была учреждена опека. Опекунами были назначены члены Государственнаго Совѣта Шидловскій и Н. С. Абаза. Когда послѣдній, посвятивъ себя всецѣло устройству богатой южно-бережной мѣстности Кавказа, совершенно туда переселился и потомъ сложилъ съ себя званіе опекуна, это положеніе было предложено мнѣ. Вмѣстѣ съ Н. В. Шидловскимъ я занималъ это званіе опекуна до самой смерти князя Михаила Андреевича въ 1904 году. Занятіе это представляло большой интересъ, давая мнѣ возможность вникать во всѣ частности управленія столь громаднаго имѣнія.

23-го марта скончался мой близкій другъ, протоіерей А. А. Лебедевъ, объ отношеніяхъ къ которому я уже говорилъ выше. А. А. Лебедевъ хоронилъ мою матушку, затѣмъ ежегодно въ день ея смерти, 21-го марта, мы ѣздили съ нимъ на Волковское кладбище поклониться могилѣ матушки, при чемъ онъ всегда служилъ панихиду въ малой верхней Волковской церкви. Эта поѣздка въ обществѣ чловѣка, столь близкаго нашему семейству и глубоко нравственнаго христіанина, имѣла для меня всегда нѣчто отрадное, вызывая въ душѣ какое-то мирное успокоительное настроеніе. И вотъ въ этомъ году 21-го марта пришлось ѣхать на Волково безъ него, а два дня спустя, 23-го марта, Александръ Алексѣевичъ скончался почти что въ тѣ же часы, какъ и моя матушка. Я уже говорилъ о томъ, какая ему была дана спокойная, благодатная, кончина. Потеря вѣрнаго друга, съ которымъ столько лѣтъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ, глубоко меня опечалила. Во время его болѣзни я часто посѣщалъ его; онъ надѣялся еще на выздоровленіе, строилъ планы ѣхать на югъ, я ему предлагалъ остановиться на нашей дачѣ въ Ялтѣ, но всѣмъ этимъ планамъ не суждено было осуществиться. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ дней шесть передъ его кончиной, ему казалось нѣсколько лучше, и мы долго съ нимъ бесѣдовали, онъ смотрѣлъ еще съ надеждой на будущее, хотя его семейство, на основаніи отзывовъ врачей, уже не питало никакихъ надеждъ. Несмотря на то, извѣстіе о его смерти меня ужасно поразило. Подъ вліяніемъ печальнаго настроенія у меня тогда являлась мысль, что не тяжело будетъ и самому умереть. Ввиду быстроты теченія времени я нерѣдко помышлялъ о смерти и, сознаюсь, не безъ нѣкотораго страха, но въ такой моментъ, когда душа исполнена печали по случаю смерти любимаго чловѣка, этотъ страхъ какъ бы исчезаетъ. Я былъ тогда въ томъ же настроеніи, въ которомъ я находился послѣ смерти жены, настроеніе, которое даже хотѣлось бы сохранить—настроеніе, которое не препятствуетъ пользоваться благомъ сей жизни, но при которомъ ничему не придаешь особеннаго значенія и ничѣмъ особенно не связываешься; отъ всего является готовность отказаться во всякое время, помня изреченіе Апостола Павла „не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго“. Евр. 13, 14.

Въ началѣ этого же года приходится отмѣтить еще смерть двухъ лицъ, съ которыми я находился въ близкихъ сношеніяхъ, А. А. Шумахера и А. А. Рихтера. Съ А. А. Шумахеромъ, первоприсутствующимъ въ первомъ департаментѣ Сената и до самой смерти предсѣдателемъ попечительства по учрежденіямъ Вел. Кн. Елены Павловны, мнѣ приходилось работать вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ и въ

Сенатѣ, и въ попечительствѣ. Говоря о А. А. Рихтерѣ, я уже упоминалъ, какъ, со вступленіемъ Вышнеградскаго въ управление министерствомъ финансовъ, ему пришлось, по требованію Государя, оставить постъ директора департамента окладныхъ сборовъ. Но въ качествѣ члена совѣта на него возлагались разныя порученія и мнѣ приходилось часто вмѣстѣ съ нимъ заниматься. На его похоронахъ С. А. Ольхинъ сказалъ мнѣ, что покойный еще незадолго до смерти отзывался очень сочувственно по поводу только что появившейся моей статьи „о крестьянскихъ платежахъ“, прибавляя слова, что у него „всегда чисто“. Такой, нѣкоторымъ образомъ загробный обо мнѣ отзывъ А. А. Рихтера доставилъ мнѣ истинное удовольствіе.

Но этимъ еще не кончается мой синодикъ 98-го года. Въ маѣ, возвращаясь изъ деревни въ городъ, я въ Лугѣ купилъ „Новое Время“ и прочелъ въ немъ извѣстіе о смерти графа Левашова, а въ концѣ іюля я получилъ въ деревнѣ телеграмму, извѣщавшую меня о смерти моего двоюроднаго брата А. А. Фольборта, нашего Генер. Консула въ Лондонѣ, наконецъ въ сентябрѣ въ Ялтѣ скончался Новосельскій, и я былъ тамъ на его панихидѣ.

Цѣлый рядъ *memento mori!*

Въ половинѣ августа я отправился въ Москву на торжество открытія памятника Александра II. Я остановился опять на квартирѣ, которую я занималъ во время коронаціи. Празднество продолжалось всего два дня. 16-го числа состоялось освѣщеніе памятника, затѣмъ обѣдъ въ Георгіевской залѣ, а на другой день балъ у Вел. Кн. Сергія Александровича. Памятникъ очень величественъ, но находится въ непропорціональной обстановкѣ, что портитъ общее впечатлѣніе. Памятникъ окруженъ колоннадою, но колонны слишкомъ низки, памятникъ представляется какъ бы выше ихъ, такъ что колоннада имѣетъ видъ не храма, въ средѣ котораго возвышается памятникъ, а какой-то пристройки къ нему.

За обѣдомъ въ Георгіевской залѣ я сидѣлъ между Велепольскимъ и Бобриковымъ, который только что былъ назначенъ ген.-губернаторомъ Финляндіи. Мы съ нимъ много говорили во время обѣда, при чемъ онъ настаивалъ на необходимости принятія разныхъ мѣръ для большаго сближенія Финляндіи съ Россіей—я нѣсколько сомнѣвался въ цѣлесообразности его системы—могъ ли я тогда предвидѣть, что его управленіе Финляндіею окончится такимъ трагическимъ эпизодомъ.

По окончаніи празднествъ ко мнѣ пріѣхали сестры, чтобы оттуда ѣхать въ Крымъ, и мы съ ними посвятили дня три на осмотръ достопримѣчательностей Москвы. Посѣтили Румянцевскій

Музей, Оружейную Палату, Страстной Монастырь и осмотрѣли нѣсколько частныхъ картинныхъ галлерей—Солодовникова, Боткина, пообѣдали у знаменитаго Тѣстова и посѣтили Петровскій паркъ,— а затѣмъ отправились прямо изъ Москвы въ Ялту.

Меня при этомъ поразило, что московскіе меценаты такіе знатоки и любители искусства; особенно выдается замѣчательнымъ выборомъ первоклассныхъ картинъ небольшая галлерей Солодовникова. Всѣ эти галлерей, хотя и находящіяся въ частныхъ квартирахъ, очень любезно сдѣланы доступными постороннимъ посѣтителямъ.

1899.

Въ началѣ января, заѣхавъ къ М. Н. Анненкову, я узналъ, что онъ серьезно боленъ, и что его видѣть нельзя. Вѣру Ивановну, его мать, я засталъ въ слезахъ; случилось что-то ужасное, повидимому, онъ отравилъ себя каплями опиума, которыя онъ принималъ на сонъ; на слѣдующій день, 9 января, когда я опять заѣхалъ къ нему, я засталъ его уже почившимъ.

Къ такому печальному концу его привела несомнѣнная забота о совершенно разстроенномъ состояніи. Его состояніе, нѣкогда очень значительное, было совершенно разстроено расходами по тѣмъ командировкамъ, которыя на него возлагались, и особенно порученіемъ обезпечить работами существованіе голодающаго населенія, послѣ неурожая 1891 года. Жаль было этого энергическаго и дѣятельнаго человѣка. Онъ несомнѣнно имѣлъ недостатки, но у него были и большія достоинства — живость, воспримчивость, удивительная энергія и жажда дѣятельности—этими качествами можно бы было пользоваться для блага Россіи, а между тѣмъ послѣднія восемь лѣтъ онъ былъ совершенно устраненъ отъ всякихъ дѣлъ и принужденъ былъ посвящать всю свою дѣятельность отпискамъ и оправданіямъ по возводимымъ на него контролемъ чисто формальнымъ нареканіямъ—упускавшимъ совершенно изъ вида существо дѣла и достигнутые имъ полезные результаты.

Нѣсколько времени спустя я получилъ письмо отъ его сестры Е. Н. Нелидовой, которая просила меня принять участіе въ опеку надъ имуществомъ, оставшимся послѣ покойнаго, и ликвидаціи его долговъ въ интересъ его дочерей. Какъ ни трудна была эта задача, но въ виду моей дружбы къ покойному, я, посовѣтовавшись съ С. Ю. Витте, который мнѣ прямо заявилъ „вы должны исполнить эту просьбу“ — я рѣшился войти въ составъ опеки, послѣ того какъ членъ Госуд. Совѣта Н. Н. Герардъ, по моей просьбѣ, согласился принять на себя предсѣдательство въ ней. О благопріятномъ результатѣ дѣятельности опеки я уже говорилъ выше.

Въ теченіе того же января я посѣтилъ другого умиравшаго товарища по Госуд. Совѣту, барона Веліо и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Удивительно, какъ этотъ характерный человѣкъ, на порогѣ смерти, зная, что ему остается жить всего только нѣсколько недѣль и даже дней,—спокойно разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ. Мы говорили съ нимъ о смерти Анненкова, отъ Анненкова мы перешли къ графу Баранову, и Веліо разсказалъ мнѣ обстоятельства, вызвавшія болѣзнь и преждевременную кончину гр. Баранова, о которой я уже говорилъ выше по поводу Барановской комиссіи и моемъ участіи въ ней.

Въ Петербургѣ существовало общество вспомошествованія нуждающимся поселенцамъ, образованное при участіи и кажется по инициативѣ проф. Исаева. Первое время средства общества слагались только изъ членскихъ взносовъ и мелкихъ пожертвованій, но уже два года спустя послѣ его образованія, оно получило значительный капиталъ въ 150.000 руб., завѣщанный ему П. Н. Третьяковымъ.

Эта замѣчательная личность была самаго скромнаго происхожденія. Сынъ дворовыхъ людей г.г. Беклемишевыхъ и выкупленный на волю, онъ получилъ образованіе въ нѣмецкой Анненской школѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство, гдѣ, занимая скромное мѣсто, онъ оставался до самой смерти, посвящая вмѣстѣ съ тѣмъ свободное время литературнымъ занятіямъ. Ведя чрезвычайно скромный образъ жизни, ему удалось скопить капиталъ въ 150.000 руб., который онъ желалъ посвятить на пособіе бѣднымъ и немущимъ труженикамъ. Узнавъ самъ нужду въ юные годы, онъ только и помышлялъ о томъ, какъ бы помогать другимъ нуждающимся. Передъ смертью ему пришлось познакомиться съ дѣятельностью переселенческаго общества; питая особое довѣріе къ личности М. И. Капустина, стоявшаго тогда во главѣ этого общества, онъ пришелъ къ убѣжденію, что не можетъ сдѣлать лучшаго употребленія своимъ деньгамъ, какъ завѣщавъ ихъ переселенческому обществу.

По смерти М. И. Капустина, товарищъ предсѣдателя проф. Исаевъ и члены правленія, посѣтивъ меня, въ началѣ года, просили меня принять предсѣдательство въ этомъ обществѣ. Обремененный массою другихъ дѣлъ и занятій, я не рѣшался принять эту дополнительную дѣятельность и если, наконецъ, все же согласился, то только съ тѣмъ условіемъ, чтобы на мнѣ, какъ на предсѣдателѣ, лежало только руководство преніями въ правленіи и общее руководство дѣла, всѣ же частности исполнялись бы товарищемъ предсѣдателя. Такъ какъ товарищемъ былъ проф. Исаевъ, инициа-

торъ дѣла, то я былъ увѣренъ, что у него дѣло будетъ въ хорошихъ рукахъ, и потому я не буду имъ особенно обремененъ. Какое же было мое удивленіе, когда нѣсколько недѣль спустя я получилъ письмо отъ Исаева, который меня извѣщалъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Россіи на долгое время за границу и потому слагаетъ съ себя званіе товарища предсѣдателя. Вслѣдствіе своего либеральнаго направленія онъ принужденъ былъ оставить кафедру въ университетѣ и отправлялся за границу изучать тамъ съ ученой точки зрѣнія движеніе социализма, о которомъ онъ и написалъ впоследствии большое сочиненіе, которое онъ прислалъ мнѣ изъ Брюсселя.

Если бы онъ предупредилъ меня заблаговременно о своихъ планахъ, то я ни за что не рѣшился бы принять предложенное мнѣ предсѣдательство,—но теперь дѣлать было нечего, пришлось входить во всѣ подробности дѣла, при чемъ, впрочемъ, новый товарищъ, А. В. Васильевъ, оказывалъ мнѣ существенную помощь.

Общество образовалось въ такое время, когда переселеніе еще не пользовалось поощреніемъ и поддержкою правительства, а потому въ началѣ дѣятельности общество приносило существенную пользу нуждающимся переселенцамъ. При участіи его были сооружены баракы въ Казани, Тюмени, на Карташевской пристани и въ Барнауль, т. е. въ пунктахъ, гдѣ тогда происходило наибольшее скопленіе переселенцевъ. Общество устраивало столовыя на пути ихъ слѣдованія, медицинскіе пункты, разсылало медикаменты, оказывало пособіе устройству мѣстныхъ школъ, устраивало склады лѣсныхъ матеріаловъ и земледѣльческихъ орудій. Но ко времени моего вступленія въ общество, характеръ его дѣятельности сталъ суживаться. Взгляды правительства на переселеніе измѣнились; правительство стало само оказывать дѣятельное пособіе переселенцамъ, заботясь о возникновеніи учрежденій подобныхъ тѣмъ, которыми орудовало общество, но только въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

Конкурировать въ этомъ отношеніи съ правительствомъ, очевидно, не было разумнаго основанія, пришлось упразднить постепенно разныя учрежденія, и вотъ почему общество стало переносить свою дѣятельность на оказаніе денежныхъ пособій какъ крестьянамъ, переселившимся уже въ Сибирь, но находившимся почему-либо въ бѣдственномъ положеніи, въ случаѣ, напримѣръ, неурожаевъ, такъ и крестьянамъ, которымъ не удалось устроиться на новыхъ мѣстахъ, для доставленія имъ средствъ на совершеніе обратнаго пути, а также на пріобрѣтеніе земли у себя дома, гдѣ передъ уходомъ они отказались отъ своихъ надѣловъ. Кромѣ того общество продолжало помогать устройству школъ, разсылать медикаменты и т. п.

Изъ прежнихъ складовъ, ко времени моего вступленія въ общество, еще сохранились склады машинъ и земледѣльческихъ орудій. На нихъ были затрачены довольно значительныя средства, кромѣ того было получено значительное количество орудій въ кредитъ отъ фабрикантовъ,—по которымъ приходилось расплачиваться, а между тѣмъ деньги отъ переселенцевъ, за отпущенные предметы, поступали очень туго. Руководство этой операціей было поручено молодому человѣку, очень способному, г. Оришичу. Такъ какъ при значительной цифрѣ долговъ фабрикантамъ, положеніе дѣла безпокойло общество, то мы рѣшились вызвать г. Оришича въ Петербургъ, чтобы получить отъ него словесныя объясненія. При довольно продолжительномъ обсужденіи дѣла съ Оришичемъ, оказалось, что это дѣло можетъ выйти изъ затруднительнаго положенія только при ассигнованіи на него значительнаго оборотнаго капитала. Нѣсколько дней послѣ этого разговора, я вдругъ получилъ извѣщеніе, что несчастный Оришичъ застрѣлился. Какая собственно была причина его самоубійству осталось неизвѣстнымъ — можетъ быть отчасти заботы о томъ, какъ вывести дѣло, за которое онъ взялся, на торную дорогу, отчасти можетъ быть семейныя обстоятельства, отчасти болѣзненное состояніе—никакой записки о причинахъ смерти онъ не оставилъ. Въ первую минуту меня стала безпокоить мысль, что можетъ оказаться растрата денежныхъ суммъ общества, но, къ счастью, этого не было, никакой растраты не оказалось — память г. Оришича остается совершенно чистою. Можно было только сожалѣть, что по неизвѣстнымъ причинамъ этотъ хорошій молодой человѣкъ такъ принялъ дѣло къ сердцу и такъ трагически покончилъ свое существованіе.

Изъ всѣхъ разговоровъ съ покойнымъ однако вполне выяснилось, что такъ дѣло идти не можетъ, что надо или положить на него еще значительныя новыя средства въ видѣ оборотнаго капитала, или ликвидировать его. Но и безъ того на складахъ до 20—30 тысячъ долгу и жертвовать еще дополнительныя средства на дѣло, въ сущности коммерческое, которое вести изъ Петербурга очевидно было почти невозможно—представлялось совершенно не благоразумнымъ. Самая ликвидація машинныхъ складовъ была то же дѣломъ довольно труднымъ, приходилось въ короткіе сроки уплатить фабрикантамъ довольно большія деньги, платежи же переселенцевъ были разсрочены на долгіе сроки. Тутъ намъ пришло на помощь Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, благодаря теплоту участію въ дѣлѣ начальника переселенческаго Управленія А. В. Кривошеина, состоявшаго и у насъ членомъ правленія. Такъ какъ Министерство устраивало склады въ широкихъ размѣрахъ, то ему не убыточно

было принять наши склады съ ихъ активами, которые со временемъ должны были получиться отъ переселенцевъ и съ ихъ пассивами, долгами фабрикантамъ, такъ какъ балансъ складывался даже нѣсколько въ нашу пользу. Такимъ образомъ удалось спасти капиталы общества, а между тѣмъ при усиленной ликвидаціи безъ помощи М—ва Вн. Дѣлъ могла быть значительная потеря. Я былъ чрезвычайно доволенъ, что мнѣ удалось такимъ образомъ освободить общество отъ лежащей на немъ тяготы и сохранить неприкосновеннымъ Третьяковскій капиталъ.

Предсѣдателемъ общества я оставался пять лѣтъ. Въ томъ же году мнѣ пришлось предсѣдательствовать въ комиссіи по пересмотру гербоваго устава. Министерство Финансовъ внесло въ Государственный Совѣтъ проектъ измѣненій гербоваго устава, — но такъ какъ на этотъ проектъ было сдѣлано много мелкихъ техническихъ замѣчаній, которыя неудобно было обсуждать въ столь многочисленномъ собраніи, то рѣшено было составить подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссію для разсмотрѣнія проекта Министерства Финансовъ, изъ нѣкоторыхъ членовъ Гос. Совѣта и Товарищей Министровъ. Комиссія эта засѣдала около года, такъ какъ по множеству частныхъ вопросовъ было трудно придти къ соглашенію между интересами фиска и правовыми требованіями. Наконецъ мнѣ удалось, однако, довести дѣло до удовлетворительнаго окончанія. Передѣланный въ Комиссіи проектъ Министерства Финансовъ былъ принятъ въ Госуд. Совѣтъ почти безъ всякихъ измѣненій, и я удостоился отъ Предсѣдателя Гос. Совѣта Вел. Князя Михаила Николаевича выраженія благодарности за удачное исполненіе довольно трудной задачи, заявленнаго мнѣ въ засѣданіи Общаго Собранія.

Осенью въ Ялтѣ я довольно часто встрѣчался съ несчастнымъ Боголѣповымъ у князя Ливена, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ,—мы съ нимъ даже гуляли вмѣстѣ по окрестностямъ Ялты и бесѣдовали о дѣлахъ М—ва Народнаго Просвѣщенія—ничто не предвѣщало тогда его близкой мученической кончины.

Въ октябрѣ И. Л. Горемыкинъ былъ уволенъ отъ званія Министра Вн. Д., на его мѣсто былъ назначенъ Сипягинъ. Въ разговорѣ со мною по этому поводу, С. Ю. Витте очень хвалилъ этотъ новый выборъ и предсказывалъ, что не пройдетъ и года, какъ всѣ оцѣнятъ благородство характера Сипягина. Этому предсказанію не суждено было оправдаться, исторія готовила въ будущемъ совершенно другое для бѣднаго Сипягина.

Остается упомянуть еще, что въ этомъ году скончались Великій Князь Георгій Александровичъ, Е. А. Перець, адмиралъ Посъеть и Т. И. Филипповъ.

Съ Е. А. Перецомъ я видѣлся еще за недѣлю до его смерти. Онъ страдалъ жабой и жаловался на свои болѣзненные припадки, но никакъ не предвидѣлъ близкой кончины; онъ собирался даже ѣхать за границу. Передъ отъѣздомъ онъ еще хотѣлъ прочитать мнѣ свой послѣдній біографическій очеркъ, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Въ послѣдніе годы онъ былъ занятъ составленіемъ біографическихъ очерковъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей послѣдняго царствованія. Изъ этихъ очерковъ онъ мнѣ уже нѣкоторые читалъ, и я находилъ, что, по интересу и правдивости изложенія, они имѣютъ несомнѣнное достоинство. Эти очерки были предназначены къ опубликованію послѣ его смерти и, какъ онъ говорилъ мнѣ, онъ передавалъ ихъ на храненіе въ вѣрныя руки. Вѣроятно со временемъ они выйдутъ въ свѣтъ и, не сомнѣваюсь, что они вызовутъ большой интересъ. Кончина Егора Абрамовича наступила внезапно; онъ былъ въ своемъ кабинетѣ, лакей подалъ ему какое-то письмо и по его приказанію пошелъ позвать его жену, когда же вслѣдъ затѣмъ она вошла въ кабинетъ, она уже застала его лежащимъ на полу, безъ признаковъ жизни.

1900.

Этотъ годъ начался печальнымъ извѣстіемъ о смерти М. С. Каханова, который только что былъ назначенъ предсѣдателемъ Департамента Промышленности и Торговли. Я узналъ объ этомъ 1-го января при выходѣ изъ дворца;—а за тѣмъ въ апрѣлѣ скончался И. К. Айвазовскій; я въ послѣдній разъ видѣлся съ нимъ въ февралѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и по обыкновенію посѣтилъ насъ.

Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ происходили довольно оживленныя пренія въ Госуд. Совѣтѣ, но, къ сожалѣнію преимущественно на реакціонно-бюрократической почвѣ. Засѣданія Соединенныхъ Присутствій и Общаго Собранія были посвящены ряду законодательныхъ проектовъ, составленныхъ въ этомъ направленіи и исходившихъ отъ разныхъ министерствъ.

Было время въ моей юности, въ эпоху Николаевского режима, когда ни о какомъ прогрессѣ не могло быть и рѣчи. Читая въ то время разныя біографіи государственныхъ людей, я завидовалъ счастьемъ тѣхъ изъ нихъ, которымъ суждено было содѣйствовать благу своего отечества, работая на поприщѣ прогресса и всесторонняго улучшенія отечественныхъ законодательствъ.

Затѣмъ настала другая эпоха моей жизни, когда съ глубокимъ чувствомъ радости и удовлетворенія, я могъ сказать себѣ, что и въ моемъ отѣчествѣ настала эра прогресса и эра развитія, и что я самъ, хотя и въ скромной мѣрѣ, призванъ принять участіе въ этой дѣятельности.

Но вотъ я дожилъ и до третьей эпохи. Состоя въ высшемъ законодательномъ учрежденіи, я непосредственно участвую въ ея законодательной дѣятельности. Но все это мое участіе направлено къ противодѣйствію проведенія крайне реакціонныхъ законовъ и такъ сказать къ сдерживанію министровъ въ проведеніи ихъ реакціонно-централизаціонныхъ стремленій. Такая чисто отрицательная дѣятельность вызывала во мнѣ очень тяжелое настроеніе. Эту замѣтку заимствую непосредственно изъ моего дневника, въ который она была занесена послѣ выхода изъ одного изъ подобныхъ засѣданій, подъ вліяніемъ гнетущаго чувства, вызываемаго подобною негативною и при томъ даже въ этомъ смыслѣ часто безрезультатною дѣятельностью.

Я не предвидѣлъ тогда, что мнѣ суждено будетъ дожить еще до четвертой эпохи, эпохи полного разложенія внутри государства и полного военного разгрома извнѣ—я не предвидѣлъ 1904 и 1905 годовъ.

27 мая произошелъ колоссальный пожаръ въ Новой Голландіи. Это громадное старинное зданіе, находящееся около Крюкова канала, было наполнено разными матеріалами судостроенія и снабженія судовъ, сухимъ лѣсомъ, смолой, паклей, пенькой и т. п. Легко себѣ представить, какую это должно было давать пищу огню. Увидавъ изъ окна ужасное зарево, я немедленно отправился по направленію къ пожару. Дойдя до Галерной улицы я уже увидѣлъ въ концѣ ея море племени. Когда же я наконецъ дошелъ до Крюкова канала, то вся, можно сказать, ужасная прелесть этого зрѣлища представилась предъ моими глазами. Толстыя кирпичныя стѣны этого стараго зданія, которому болѣе ста лѣтъ,—стояли твердо несмотря на обхватывавшее ихъ пламя, но во всѣ громадныя окна его пробивались колоссальные пламенные языки,—это было просто море пламени. Долго я не могъ оторваться отъ этой поразительной картины и только поздною ночью вернулся домой. На этомъ пожарѣ сгорѣло матеріаловъ на огромную сумму.

1901.

11-го января исполнилось пятидесятилѣтіе моего служенія. По этому случаю мнѣ были дарованы алмазные знаки Александра Нев-

скаго—въ сопровожденіи Высочайшаго рескрипта. Мнѣ доставило особенное удовольствіе упоминаніе въ рескриптѣ о моихъ финансовыхъ познаніяхъ и о моемъ знакомствѣ съ крестьянскимъ дѣломъ, а именно слѣдующая фраза рескрипта „прилагая къ разсмотрѣнію обсуждаемыхъ совѣтомъ важнѣйшихъ дѣлъ, вашъ обширный финансовый опытъ и ваше глубокое знаніе разнообразныхъ законодательныхъ вопросовъ, относящихся до устройства дорогаго Мнѣ сельскаго населенія Россіи...“

Затѣмъ меня посѣтили утромъ для поздравленія многіе члены Государственнаго Совѣта, министры, родственники и знакомые, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, съ которыми я уже давно не встрѣчался. Кромѣ того С. Ю. Витте посѣтилъ меня съ депутаціей отъ Министерства Финансовъ, къ составу котораго я столько лѣтъ принадлежалъ, и обратился ко мнѣ съ краткою, но очень лестною для меня рѣчью, указывая на мою дѣятельность, какъ государственнаго человѣка, такъ и ученаго. Затѣмъ я получилъ очень теплое письмо отъ старушки В. И. Анненковой, которая всегда относилась ко мнѣ съ особеннымъ расположеніемъ; это письмо мнѣ привезли ея внучки, дочери покойнаго М. Н. Анненкова.

Нѣсколько дней спустя состоялось собраніе Совѣта казанскаго попечительства, на которомъ Члены Совѣта почтили меня поднесеніемъ мнѣ иконы Богоматери.

Въ теченіе всего этого зимняго сезона происходили постоянные беспорядки въ университетѣ. Противъ студентовъ принимались вслѣдствіе этого разныя репрессивныя мѣры, и, къ сожалѣнію, нерѣдко безъ должнаго разбора правыхъ и виновныхъ.

Въ виду непрекращавшихся беспорядковъ среди студентовъ, Государь поручилъ П. С. Ванновскому, бывшему Военному Министру, обслѣдовать все положеніе университетскаго дѣла. Ванновскій очень ревностно принялся за исполненіе возложенной на него задачи, разслѣдовалъ всѣ обстоятельства дѣла совершенно безпристрастно и представилъ Государю обширный докладъ, заключавшій въ себѣ очень серьезное порицаніе образа дѣйствій органовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нѣсколько времени послѣ того я разговаривалъ по этому поводу съ Ванновскимъ и онъ говорилъ мнѣ, что послѣ представленія отчета никто не призывалъ его и съ нимъ не говорилъ объ этомъ дѣлѣ.

Все это производило очень неблагоприятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Казалось, что дѣло будетъ идти по-прежнему—и вдругъ совершенно неожиданно 25 марта всѣ были обрадованы извѣстіемъ о назначеніи Петра Семеновича Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Особенно пріятно подѣйствовали на всѣхъ мысли, изложенныя въ рескриптѣ Государя по этому поводу. „Опытъ послѣднихъ лѣтъ,—говорилось въ немъ,—указалъ на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію. Высоко цѣня Вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устроительства русской школы, и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность Министра Нар. Пр., твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе“...

Эти указанія и особенно слово „сердечное“ произвели на всѣхъ очень отрадное впечатлѣніе. Помню, что на слѣдующій день я былъ на музыкальномъ вечерѣ у Принцессы Елены Георгіевны Альтенбургской, и тамъ даже дамы съ умиленіемъ говорили о рескриптѣ. Всѣ стали ожидать лучшей будущности для нашихъ университетовъ.

Петръ Семеновичъ очень ревностно принялся за порученное ему дѣло. Онъ взялъ въ товарищи Попечителя Варшавскаго Университета Зенгера и служившаго въ Мин. Юстиціи Н. В. Мѣщанинова, который ему помогалъ при разслѣдованіи студенческаго дѣла, для его отчета. У него была мысль нѣсколько смягчить классическую систему введеніемъ смѣшанной системы классически-реальной. Хотя Государь при предварительномъ докладѣ и выразилъ на это свое согласіе, но затѣмъ, кажется, этотъ проектъ встрѣтилъ усиленную оппозицію въ ученыхъ сферахъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что черезъ годъ Ванновскій былъ уволенъ отъ поста Министра Народнаго Просвѣщенія, и на его мѣсто Управляющимъ Министерствомъ былъ назначенъ его товарищъ, Зенгеръ.

Это было на страстной недѣлѣ. Я пріѣхалъ въ домашнюю церковь Гос. Контроля на вечернюю службу, тамъ же былъ и П. С. Ванновскій. Послѣ службы мы пошли къ П. Л. Лобко пить чай. Я сѣлъ возлѣ Ванновскаго и сталъ разговаривать съ нимъ. На какой-то мой вопросъ о дѣлахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ванновскій отвѣтилъ мнѣ: „я уже болѣе не министр“.

Въ 1901 году исполнилось 100 лѣтъ со времени учрежденія Государственнаго Совѣта и большинства Министерствъ. По этому случаю во всѣхъ Министерствахъ и въ Совѣтѣ происходили торжественные акты съ раздачей медалей, выбитыхъ въ память этого торжества.

Актъ Государственнаго Совѣта происходилъ 7-го мая. По совершеиіи благодарственнаго молебствія въ церкви Маріинскаго дворца, состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Государя. Открывъ засѣданіе, Государь прочелъ Указъ о назначеніи Членомъ Государственнаго Совѣта тогдашняго наслѣдника В. К. Михаила Александровича.

За сямъ Государственный Секретарь прочиталъ Высочайшую Грамоту, данную Совѣту по случаю его столѣтняго юбилея.

Послѣ того Предсѣдатель Совѣта обратился къ Государю съ краткою рѣчью, въ которой онъ указалъ на непоколебимую преданность престолу Госуд. Совѣта и его любовь къ отечеству,—чувства, въ которыхъ Государь имѣлъ случай убѣдиться, когда, бывши наслѣдникомъ, онъ Самъ участвовалъ въ дѣлахъ Совѣта—и заключилъ словами—что Совѣтъ единодушно возобновляетъ данные сто лѣтъ назадъ обѣты служить Престолу и Отечеству по крайнему разумѣнію и совѣсти...

Проводя по обыкновенію осень въ Ялтѣ, мы въ этомъ году совершили въ первый разъ поѣздку въ Козьмо-Демьянскій Монастырь. Эту поѣздку предпринимаютъ очень немногіе изъ Ялты, потому что она требуетъ нѣсколькихъ дней, но она представляетъ по мѣстному характеру живописной природы, по которой пролегаетъ дорога, необыкновенный интересъ.

Мы выѣхали утромъ и послѣ нѣкоторой остановки въ Гурзуфѣ, гдѣ мы пообедали и погуляли въ красивомъ паркѣ, мы къ вечеру прибыли въ Алушту, гдѣ пришлось переночевать въ очень порядочной гостиницѣ. На слѣдующее утро мы отправились въ монастырь. Дорога идетъ нѣсколько верстъ по ровной мѣстности, постоянно съ красивыми видами на окружающіе хребты горъ, и затѣмъ начинается подъемъ уже по самой горѣ, на которой лежитъ монастырь. Вся эта гора покрыта богатымъ лѣсомъ буковой и другихъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ, среди котораго проходитъ дорога, причемъ постоянно то справа, то слѣва открываются красивые виды;—лѣсъ до того еще дѣвственъ, что въ немъ водятся дикіе звѣри, между прочимъ серны, и намъ пришлось видѣть раза два граціозное животное, вышедшее почти на край дороги. Самый монастырь лежитъ на вершинѣ горы, но такъ какъ эта гора окружена цѣпью горъ еще болѣе высокихъ, то онъ лежитъ какъ бы въ котловинѣ и тонетъ въ окружающихъ лѣсахъ. Мѣстность чрезвычайно эффектная и живописная. Недалеко отъ монастыря находится царскій охотничій домикъ. Въ монастырѣ мы посѣтили церковь, затѣмъ насъ накормили монастырскимъ обѣдомъ, и къ вечеру мы возвратились въ Алушту очень довольные нашей экскурсіей.

Въ ноябрѣ за границей скончался В. М. Маркусъ, — такимъ образомъ въ этомъ году изъ лицъ особенно мнѣ близкихъ—двое—Мордвиновъ и Маркусъ — прекратили свое земное существованіе.

Кончая впечатлѣнія 1901 года, считаю нужнымъ упомянуть еще объ одномъ прискорбномъ обстоятельстве, происшедшемъ въ началѣ года и возбудившемъ въ обществѣ очень оживленные толки.

Графъ Л. Н. Толстой не разъ въ своихъ сочиненіяхъ поносилъ обряды православной церкви и высказывался противникомъ православнаго догматическаго ученія. Особенно непріятно поразило его глумленіе надъ православными церковными обрядами, которое, какъ говорятъ, —я этого не читалъ,—высказывалось въ заграничномъ изданіи его послѣдняго романа.

Это побудило Синодъ сдѣлать постановленіе о формальномъ исключеніи графа Толстого изъ лона православной церкви и о лишеніи его христіанскаго погребенія, въ случаѣ, если онъ передъ смертью не обратится и не возстановитъ своего общенія съ церковью — это дополнительное постановленіе было сдѣлано въ виду тяжелой болѣзни въ то время графа Толстого.

Вышеуказанныя распоряженія вызвали переписку между графиней Толстой и митрополитомъ Антоніемъ, которая была воспроизведена на страницахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“.

Привожу главное содержаніе обоихъ писемъ въ виду толковъ, которые они подняли тогда въ обществѣ.

„Прочитавъ вчера, писала графиня С. А. Толстая, въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибаетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія—никому, кромѣ Бога, невѣдома и къ счастью не подвластна. Но съ точки зрѣнія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступала, которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божиимъ всѣхъ значительныхъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ... которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ, съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Моск. Вѣдомостей“),

а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе Л. Н-чу. Уже мы получаемъ такія изъясненія и имъ не будетъ конца отъ всего міра.

Не могу упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той бессмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Л. Н-ча, въ случаѣ его смерти.

Кого же хотятъ наказывать?—умершаго, не чувствующаго уже ничего, человѣка или окружающихъ его, вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду—или такого порядочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или не порядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе церкви.

Если же признать церковью людей, дерзающихъ своею злобой нарушать высшій законъ—любовь Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ, за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ, жизнь, хотя и внѣ церкви, чѣмъ носящихъ брилліантовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ церкви—пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами—легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей—никого не обманетъ“—(26 февр.).

На это письмо митрополитъ Антоній отвѣтилъ ей слѣдующее: „графиня Софья Андреевна, не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи отъ Церкви вашего мужа, а жестоко то, что самъ онъ съ собою сдѣлалъ, отрекшись отъ вѣры въ Иисуса Христа, Сына Бога живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отвратился отъ источника жизни вѣчной. Для христіанина немислима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго „вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти въ жизнь, а невѣрующій не увидитъ жизни, но глѣвъ Божій

пребываетъ на немъ⁴, и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни въ смерть. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащей, но для вѣрующихъ, для членовъ своихъ Церковь эта благословляетъ именемъ Божиимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого, и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и нежелающихъ получить отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, и вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея. И потому съ точки зрѣнія этой Церкви распоряженіе Синода вполне постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушается. Любовь Божія безконечна, но и Онъ прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни. Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовію, но человѣкъ иногда не хочетъ идти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ лица Божія, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный. О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не воссоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что говорятъ. Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра. Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человѣческая и есть слава Божія. „Слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава и цвѣтъ ея пропалъ, но слово Господне пребываетъ во вѣки“.

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ возсталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ вѣры и церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ. Послѣдовали обращенія къ Синоду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ—не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ церковью. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и много отвѣта и быть не могло. И я не думаю, чтобы на-

шелся какой-нибудь, даже не порядочный священникъ, который бы рѣшился совершить надъ графомъ христіанское погребеніе, а если бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ. Вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія.

Разъ вы—живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ церкви, и она дѣйствительно есть союзъ живыхъ разумныхъ существъ, во имя Бога живаго, то ужъ падаетъ собою ваше заявленіе, что церковь для васъ есть понятіе отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ синодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Это напротивъ есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего ко возврату въ церковь и вѣрующихъ къ молитвѣ о немъ.

Пастырей церкви поставляетъ Господь, а не сами они, гордо, какъ вы говорите, признали себя во главѣ ея. Носятъ они брилліантовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенное. Оставались они пастырями, одѣваясь и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ бы ихъ ни хулили, и какими бы презрительными словами ихъ обзывали.

Въ заключеніе прошу прощенія, что не сразу вамъ отвѣтилъ. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый, острый порывъ вашего огорченія.

Благослови васъ Господь и храни, и графа—мужа вашего—помилуй...“ (16 марта).

Не касаясь содержанія этихъ писемъ и обращаясь къ сущности вопроса, несомнѣнно, что всякое общество, а потому церковь имѣетъ юридическое право, разъ одинъ изъ его членовъ вышелъ изъ общества, оставить его, публично о томъ оповѣщать членовъ общества.

1902.

Къ новому году предсѣдатель Департамента Государственной Экономіи Д. М. Сольскій, по случаю его 50-ти лѣтняго юбилея, былъ произведенъ въ графы. По этому поводу всѣ члены департамента явились къ нему съ поздравленіемъ, и мнѣ, какъ старшему члену, пришлось сказать ему привѣтственную рѣчь; кажется, мои слова его тронули, потому что нѣсколько времени спустя графиня Сольская просила меня написать для нея мою рѣчь, что я исполнилъ.

Одновременно съ этимъ состоялось Высочайшее повелѣніе, возлагавшее на меня предсѣдательствованіе въ департаментѣ, въ случаѣ отсутствія предсѣдателя. Это распоряженіе было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. По принятому положенію, въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя, предсѣдательствуетъ старшій членъ по чину. Таковымъ я состоялъ въ департаментѣ нѣкоторое время, но къ новому году въ Дец. Гос. Экон. былъ назначенъ С. В. Марковъ, новый членъ Государственнаго Совѣта. Онъ оказался старше меня по чину, но такъ какъ онъ былъ еще совершенно незнакомъ съ ходомъ дѣлъ въ департаментѣ, то онъ самъ просилъ, чтобы предсѣдательство, въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, было сохранено за мной. Съ тѣхъ поръ въ департаментѣ поступило еще нѣсколько членовъ старше меня по чину, и каждый разъ возобновлялось данное мнѣ порученіе, такъ что съ 1902 года я считался постоянно замѣстителемъ предсѣдателя, а въ самое послѣднее время, когда графъ Дмитрій Мартыновичъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Госуд. Совѣта, я, хотя пока и временно, остался въ Главн. Департ. Госуд. Экономіи.

Въ началѣ года подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте была образована Комиссія для разсмотрѣнія вопроса о сельской промышленности, въ которую я былъ назначенъ членомъ. Въ этой Комиссіи принимали участіе всѣ министры, графъ Воронцовъ, князь Долгорукій, губернаторъ Зиновьевъ, П. П. Семеновъ, графъ Толстой, гр. Шереметевъ, князь Щербатовъ, Горемыкинъ, Куломзинъ, князь Оболенскій, профессора и нѣкоторыя другія лица. Въ сущности эта Комиссія близко соприкасалась съ крестьянскимъ вопросомъ, но почему-то этого не хотѣли ясно выразить, боясь открыто поставить на очередь крестьянскій вопросъ, что, какъ полагали, могло бы вызвать крайнія вождедѣнія въ крестьянской средѣ. Только два года спустя, вслѣдъ за перемѣной въ личномъ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса было передано открыто въ эту Комиссію,—а нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ началѣ 1905 г. Комиссія Витте была внезапно закрыта и все крестьянское дѣло было передано спеціальному Комитету подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина—одновременно съ этимъ былъ уволенъ министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ, а Министерство было преобразовано въ Главное Управленіе Земледѣлія и Землеустройства—и поставлено въ подчиненіи Комитету Горемыкина. Управленіе имъ было поручено Тов. М-ра П. Хр. Шванебаху. Все это преобразование было вызвано, повидимому, опасеніемъ въ слишкомъ абсолютномъ разрѣшеніи въ Комиссіи Витте крестьянскаго вопроса. Неудовольствіе въ этомъ отношеніи высказывалось по крайней

мѣръ нѣкоторыми членами Комиссія; одинъ изъ членовъ, гр. Шереметевъ, даже заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя званіе члена Комиссія, по несогласію съ направленіемъ хода ея работъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ своего существованія Комиссія Витте собрала массу драгоцѣннаго матеріала по отношенію къ положенію крестьянъ и разработала окончательно нѣкоторые вопросы, но окончательное рѣшеніе получило только небольшое число этихъ вопросовъ, между прочимъ и вопросъ о мелкомъ крестьянскомъ кредитѣ, который удалось даже провести черезъ Государственный Совѣтъ. Разработка этого вопроса была поручена Подготовительной Комиссія подь моимъ предсѣдательствомъ. Хотя разработка проекта встрѣчала серьезное затрудненіе въ разномысліяхъ, проявлявшихся постоянно среди членовъ подкомиссія—но, наконецъ, все же удалось провести дѣло къ окончанію. Составленный Подкомиссіею проектъ былъ одобренъ Главною Комиссіею и затѣмъ съ незначительными измѣненіями удостоился и утвержденія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Весною по приглашенію А. Д. Оболенскаго я вошелъ въ составъ небольшого кружка лицъ, поклонниковъ В. С. Соловьева, которыя, въ память его, собирались отъ времени до времени за обѣдомъ, посвящая послѣобѣденное время обсужденію разныхъ философскихъ и религіозныхъ вопросовъ. Въ этомъ кружкѣ принимали участіе кн. Волконскій, Стаховичъ, Саломонъ, Милютинъ, К. Ухтомскій, Лукьяновъ, Исааковъ, Фроловъ и нѣк. др. Пренія за этими обѣдами представляли иногда существенный интересъ,—укажу между прочимъ на рефератъ Лукьянова, на одномъ изъ Соловьевскихъ обѣдовъ, по повѣду эпизода явленія антихриста въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“.

2-го апрѣля должно было состояться соединенное засѣданіе деп. госуд. экономіи и Комитета Министровъ. Мы собрались въ залѣ Комитета Министровъ; хотя установленный часъ уже насталъ, засѣданіе однако не открывалось, потому что ожидали приѣзда М. В. Д. Сипягина. Вдругъ кто-то вошелъ въ залу и объявилъ, что Сипягинъ убитъ. Всѣ были поражены, не хотѣли вѣрить этому извѣстію, полагая, что это ложный слухъ. Но скоро пришлось повѣрить,—потому что оказалось, что онъ раненъ не на улицѣ, не въ пути, а у насъ въ самомъ зданіи Государственнаго Совѣта, въ передней, гдѣ онъ и лежитъ — удивительно, что никто изъ бывшихъ въ залѣ не слышалъ выстрѣловъ. Я немедленно спустился внизъ и увидѣлъ бѣднаго Сипягина, лежащаго на полу, на какихъ-то подложенныхъ подь него подушкахъ, повидимому, онъ былъ безъ памяти. Недалеко отъ него стоялъ красивый молодой человекъ, въ

свитскомъ мундирѣ. Я думалъ, что это адъютантъ одного изъ Вел. Князей, присланный разузнать о случившемся, но оказалось, что этотъ молодой человекъ—убійца Сипягина;—странно было видѣть его по внѣшнему виду совершенно спокойнымъ, стоящимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей жертвы. Онъ прибылъ въ переднюю Комитета Министровъ незадолго до пріѣзда Сипягина, заявивъ, что ему поручено отъ Вел. Князя передать пакетъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ; когда Сипягинъ пріѣхалъ, онъ подошелъ къ нему, подавъ ему пакетъ, и въ ту минуту, какъ Сипягинъ сталъ читать поданную ему бумагу, нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера; одна пуля попала въ руку стоящаго вблизи курьера. До потери сознанія Сипягинъ произнесъ еще нѣсколько словъ, сказавъ между прочимъ: „я въ жизни никогда никому намѣренно не дѣлалъ зла“.

Послали за его супругой; я ее видѣлъ у одра умирающаго мужа и удивлялся силѣ духа и достоинству, съ которой она сдерживала выраженіе своей печали. Наконецъ прибылъ лазаретный экипажъ, и раненаго перевезли въ Максимилиановскую лечебницу, гдѣ онъ часъ спустя скончался.

Въ осеннюю сессію Государственнаго Совѣта былъ наконецъ принятъ законъ объ уничтоженіи круговой поруки. Такимъ образомъ ярмо, тяготѣвшее столько лѣтъ надъ крестьянскимъ сословіемъ и которое считалось неразрывно связаннымъ съ общиннымъ владѣніемъ, было наконецъ снято. Опасенія оказались неосновательными, нельзя сказать, чтобы послѣ уничтоженія круговой поруки—крестьянскіе платежи стали поступать хуже.

Въ декабрѣ состоялось празднованіе столѣтняго юбилея Комитета Министровъ, въ крайне скромной формѣ.

Говоря о происшествіяхъ 1902 г., считаю нужнымъ упомянуть еще о смерти В. И. Анненковой, матери Михаила Николаевича—послѣдовавшей весной. Вѣра Ивановна была женщина съ удивительнымъ умомъ и характеромъ, ко мнѣ она всегда относилась особенно тепло и благосклонно—я живо сохранилъ память о ней.

1903.

1903 годъ начался для меня очень печально. Въ началѣ января моя старшая сестра, Марія Густавовна упала на прогулкѣ и получила при этомъ очень опасный переломъ ноги. Ничего не подозревая, я спокойно сидѣлъ въ кабинетѣ за бумагами, какъ вдругъ мнѣ вошли сказать, что мою сестру, сломавшую себѣ ногу, несутъ

наверхъ по лѣстницѣ. Я, разумѣется, былъ ужасно пораженъ этимъ внезапнымъ сообщеніемъ; особенно томительны были первыя минуты, пока не пріѣхалъ наконецъ хирургъ. Онъ нашелъ, что переломъ въ бедрѣ очень серьезный и что ей придется пролежать нѣсколько недѣль безъ движенія. Настало тяжелое время ожиданія — но, слава Богу, лѣченіе пошло успѣшно, можно было констатировать, что сращеніе кости совершается удовлетворительно; нѣсколько мѣсяцевъ спустя она могла уже ходить, хотя и хромая немного. Лѣтомъ, для окончательнаго поправленія ея здоровья, мы отправились за границу въ Карлсбадъ.

Въ эту зиму въ Петербургѣ давала представленія Московская труппа Станиславскаго. Эта труппа, составленная почти исключительно изъ любителей, — самъ Станиславскій, кажется, богатый помѣщикъ, — довела сценическое представленіе до удивительнаго совершенства; ее можно было сравнить въ этомъ отношеніи съ труппою Мейнингенцевъ въ Германіи. Вся обстановка, костюмы, декорация, игра актеровъ — все это дышало историческою дѣйствительностью. Я еще помню глубокое впечатлѣніе, которое произвело на меня представленіе пьесы „Юлій Цезарь“. Это не было представленіе, а истинное воспроизведеніе исторической римской жизни. Ни одна изъ нашихъ казенныхъ сценъ не могла бы сравниться съ труппою Станиславскаго. Замѣчательно вообще, до какой степени въ Москвѣ развито артистическое чувство. Параллельно съ труппою Станиславскаго можно бы указать на бывшую оперную труппу Мамонтова, затѣмъ массу картинныхъ галлерей въ частныхъ домахъ, уже не говоря о Третьяковской галлерей — все это артистическое направленіе не имѣетъ ничего подобнаго у насъ въ Петербургѣ.

16-го мая праздновалось 200-лѣтіе основаніе Петербурга, день былъ чудный, свѣтило яркое солнце, и празднество вполнѣ удалось.

Въ іюнѣ скончался предсѣдатель Комитета Министровъ И. Н. Дурново. Съ нимъ сдѣлался параличъ, онъ нѣсколько оправился отъ него, и въ началѣ лѣта доктора послали его для поправленія за границу. Ему не суждено было однако доѣхать даже до Берлина — во время дороги онъ ночью внезапно скончался въ вагонѣ. Его бѣдная жена ѣхала вмѣстѣ съ нимъ, но въ другомъ отдѣленіи вагона, ничего не зная объ этой трагической катастрофѣ — утромъ пришлось сообщить ей о томъ, что случилось. Смертный случай близкаго человѣка всегда очень печально поражаетъ родныхъ, — но въ этой обстановкѣ, въ пути, въ вагонѣ, смерть Ивана Николаевича должна была произвести особенно тягостное впечатлѣніе на бѣдную вдову.

Весною, какъ я уже упоминалъ, мы отправились для поправленія здоровья сестры за границу,—черезъ Берлинъ въ Карлсбадъ, гдѣ мы пробыли нѣскольکو недѣль. Я очень люблю Карлсбадъ и его красивыя окрестности, по которымъ я съ наслажденіемъ совершалъ ежедневныя прогулки.

Во время пребыванія въ Карлсбадѣ мнѣ попалась въ руки интересная книга, записки графа Кейзерлинга, бывшаго попечителя въ Дерптѣ, друга Бисмарка, человѣка необыкновенно умнаго и ученаго,—записки, изданныя послѣ его смерти его дочерью. Въ этихъ запискахъ меня особенно интересовали его мысли о будущей жизни, о разъясненіи идеи Бога, безсмертія и свободы; глубоко замѣчательны его усиленные старанія выяснить себѣ эти высокія понятія, въ чемъ, однако, постоянно какъ бы задерживаетъ его невозможность отрѣшиться отъ понятія существующаго около него міра и трудность выяснить себѣ возможность существованія при совершенно другихъ, недоступныхъ нашему пониманію, условіяхъ. Какъ бы усвоивъ себѣ уже понятіе о личномъ безсмертіи, онъ опять отъ него отдалается, потому что не можетъ себѣ представить мѣста, гдѣ индивидуумъ могъ бы существовать внѣ міра сего и понять умственную дѣятельность безъ пособія мозга. Хотя онъ допускаетъ существованіе предѣловъ для нашего пониманія, ссылаясь на *ignorabimus* Du Bois Raymond, но все же не можетъ отрѣшиться отъ желанія выяснить себѣ умственно то, что его ожидаетъ въ будущемъ. Это естественное настроеніе души человѣка, который постоянно стремится къ трансцендентному и постоянно сдерживается въ своемъ стремленіи скептицизмомъ, въ виду невозможности постичь трансцендентное умомъ.

Разные вопросы и сомнѣнія, относительно будущаго существованія, невольно возникаютъ не только у ученыхъ, но и у каждаго думающаго человѣка, въ этомъ отношеніи ученый не находится въ какомъ-либо особенномъ положеніи: будущее закрыто для него и для прочихъ смертныхъ. Всякому человѣку, ученому и неученому, хотѣлось бы раскрыть таинственную завѣсу, чтобы проникнуть взоромъ до того, что за нею заключается; никто не въ состояніи представить себѣ, въ какихъ условіяхъ будетъ происходить то будущее безсмертіе — вѣровать въ которое мы ощущаемъ такую глубокую потребность.

Въ началѣ апрѣля въ Петербургѣ скончался профессоръ Исторіи Церкви В. В. Болотовъ. За часъ до смерти онъ произнесъ знаменательныя слова: „какъ прекрасны предсмертныя минуты“. Это изреченіе указываетъ, до чего можетъ достигнуть вѣрующее убѣ-

жденіе въ области недоступной нашему разуму, области, которую такъ стремился объять гр. Кайзерлингъ ¹⁾).

Изъ Керлсбада мы отправились въ милый Дрезденъ, гдѣ мы пробыли недѣли три, посѣщая музеи и театры. Въ это время въ Дрезденъ пріѣхалъ Императоръ Вильгельмъ для посѣщенія Саксонскаго Короля. По этому случаю происходили разныя военныя церемоніи, а по вечерамъ иллюминація города. Особенно эффектенъ былъ вечерній факельный концертъ на городской площади передъ соборомъ. Къ вечеру на площади собрались войска и выстроились, оставляя въ срединѣ свободный промежутокъ. Когда стемнѣло—издали показались шествующіе на площадь хоры военной музыки, сопровождаемые по сторонамъ солдатами, несшими горячіе факелы. Это шествіе представляло красивую и эффектную картину. Дойдя до площади, музыканты, окружаемые факельщиками, помѣстились на пустомъ пространствѣ среди войска — и затѣмъ начался военный концертъ, продолжавшійся около часа. Соборъ и окружающія площадь зданія освѣщались въ это время красными бенгальскими огнями.

Нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Дрездена я прочелъ въ какой-то нѣмецкой газетѣ, что С. Ю. Витте уволенъ изъ Министерства Финансовъ, и на его мѣсто назначенъ Э. Д. Плеске. Сознаюсь, что я не повѣрилъ этому извѣстію, дотога оно казалось мнѣ невѣроятнымъ. Но на слѣдующій день я уже прочелъ официальные телеграммы о смѣщеніи Витте.

Бѣдному Плеске, столь неожиданно призванному на такой высокой постъ, не долго суждено было на немъ оставаться. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, злая болѣзнь, саркома, приковала его на мѣсяцы къ страдальческому ложу и затѣмъ положила предѣлъ его земному существованію.

По возвращеніи изъ-за границы, мы провели, по обыкновенію, осень въ Ялтѣ.

¹⁾ Сегодня послѣ того какъ я написалъ эти строки, читая вечеромъ письма Вел. Герц. Саксенъ-Веймарскаго г-жѣ Левальдъ Штаръ, я попалъ на слѣдующее мѣсто: по случаю смерти сестры Вел. Герцогъ пишетъ слѣдующее: „Ошибочно полагать, что нельзя жить, если думать о смерти. Напротивъ того, жизнь именно учить, что смерть не есть прекращеніе, а вступленіе въ другую, продолжающуюся жизненную дѣятельность. Это убѣжденіе вселяется въ насъ какъ необходимость. Но Богъ истинна и не обманъ, а потому то убѣжденіе, которое влито въ нашу собственную природу—должно быть истинной“.

Nun aber ist Gott die Wahrheit und nicht der Trug. Was uns umgepflanzt ist in unsere eigene Natur, ist also Wahrheit.

Въ началѣ зимы въ Петербургѣ, въ Акваріумѣ, давали пьесу Метерлинка—„Монна Ванна“, въ которой роль Монны Ванны играла жена Метерлинка, извѣстная актриса. Своеобразный характеръ этой идеалистической пьесы и игра въ ней жены Метерлинка вызывали большой интересъ въ Петербургскомъ обществѣ.

Въ декабрѣ скончался князь Воронцовъ-Шуваловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и мое участіе въ учрежденной надъ его имѣніями опека.

